

С.В. Горностаев

Академия ФСИИ России (Рязань, Россия)

Генезис и психологическое содержание научной проблемы лояльности

В результате историко-психологического анализа общественно-философской рефлексии феномена лояльности выделены ее основные этапы, обозначены авторы и ключевые идеи, внесшие наибольший вклад в формирование современного понимания психологической сущности лояльности. Усложнение социальных реалий, ведущее к актуализации вопросов социальной самоидентификации и ее реализации в поведении, рассматривается как основная предпосылка развития представлений о лояльности и постановки научной проблемы лояльности. Сделаны выводы о психологическом содержании научной проблемы лояльности.

Ключевые слова: лояльность; социальная идентификация; нормативный порядок; реализация идентичности.

Джеймс Коннор отмечает, что задолго до того, как в письменных источниках стало встречаться слово «лояльность», сам феномен «...определенно существовал перед этим в различных формах и под различными именами» [1. С. 12]. Приводя примеры Библии (лояльность по отношению к семье, друзьям, религии), трудов Аристотеля (политическая лояльность), и древних индейцев-Олмеков (лояльность королю), Дж. Коннор [1] доказывает, что лояльность имеет длинную историю как понятие.

Истоки исследований проблем лояльности, как и многих других научных проблем, лежат в классических философских произведениях античности. Это в первую очередь можно связать с особенностями социальной жизни. А.-Х. Султыгов отмечает [2. С. 83]: «...исходной и основной характеристикой нации родоплеменного типа, еще не ставшей этносом в собственном смысле слова, становится государственно-гражданская идентичность – принадлежность и лояльность гражданской общине – государству».

Первым произведением, специально посвященным проблеме лояльности как отношения человека к нормам ролевой активности членов группы (нормативному порядку группы), с которой он себя идентифицирует, в первую очередь идеям и ценностям, которые воплощает эта группа, можно признать принадлежащий древнегреческому философу Платону диалог «Критон» из серии описанных им диалогов с участием его учителя Сократа [3]. Хотя в самом диалоге не фигурирует слово «лояльность», это произведение именно о лояльности Сократа его Отечеству – Афинскому полису, а

также афинскому порядку и законам, а также самой идее порядка и законности, которую воплощало Афинское государство. Как отмечает В.Ф. Асмус, ученик Сократа Ксенофонт впоследствии пытался доказать невиновность учителя и его «лояльность по отношению к афинской демократии и ее политическому строю» [4. С. 104].

Таким образом, в «Критоне» предметом лояльности впервые выступает групповой нормативный порядок, в частности, такие его элементы, как общественные идеалы, ценности и нормы.

Существенной чертой лояльности, на которой акцентируется внимание в диалоге «Критон», выступает добровольность принятия социального статуса и связанного с ним нормопорядка, социального долга. Аргументируя свою лояльность нормам Афин, Сократ в диалоге упоминает, что жители древних Афин, после занесения их в список граждан и знакомства с государственными делами и законами, были вольны принять законы Афин и подчиниться им или удалиться из Афин для проживания в любое другое место без потери имущества и репутации. Не отказавшись от статуса гражданина и оставшись в Афинах, человек тем самым соглашался с местными законами и добровольно принимал обязательства соблюдать нормы общества и нести ответственность за их нарушение. Поэтому Сократ не предоставлял себе морального права на предательство собственного свободного выбора.

Достаточно обширный диалог о побеге из Афинской тюрьмы после несправедливого обвинения и приговора к смерти, отказ от подготовленного Критоном побега и принятие смерти согласно приговору практически свидетельствует о большой гражданской лояльности Сократа Афинам, их законам и идее правопорядка в целом, которую он проповедовал всю жизнь.

Так написал об этом поступке Сокарта Иназо Нитобе, известный японский исследователь проблем лояльности, в своей работе «Bushido, the soul of Japan»: «Сократ неустрашимо не уступил ни йоты лояльности своим демонам, преданно и хладнокровно повинаясь Государству. Государство, которому он служил, умерло, но идеи, которым он следовал, живы» [5. С. 25].

Ценность «Критона» для психологических исследований лояльности заключается еще и в том, что диалог не просто констатирует факт лояльного поведения, его психологическую детерминацию, мотивы, связь с идеалами и ценностями, которые Сократ принял вместе со своим социальным статусом. Осознанность и целенаправленность поведения Сократа четко дают понять, что это поведение является следствием именно его внутренней лояльности, а не трусости, гордыни, апатии или других причин. В диалоге с Критоном Сократ всесторонне и глубоко мотивировал свой поступок не только его общественной пользой, но и личностным смыслом, учитывая возможный моральный и материальный ущерб для себя и своих близких, соединяя в своем поступке свои ценности и стремления как гражданина, как отца и как друга, проявляя лояльность не только Афинскому полису, но и другим значимым для него социальным группам. Это добавляет «Критону» психологическую глубину и реалистичность, заслуживающую пристального внимания при исследовании проблем лояльности.

Хотя «Критон» трудно назвать научным произведением в современном понимании слова, к нему неоднократно обращались исследователи проблем лояльности разных периодов, а затронутые там проблемы принятия статуса и долга, соотношения целей и средств в исполнении долга, связи общественных и личных ценностей в его исполнении, самих ценностных оснований нормативного поведения в социальных группах поднимаются и в современных исследованиях проблем не только гражданской лояльности, но и лояльности членов других социальных групп. В «Критоне» излагаются идеи, многие из которых были развернуты в начале XX в. Джо-зайей Ройсом в его концепции рациональной лояльности, последняя до сих пор является предметом полемики исследователей фундаментальных проблем лояльности.

В то время как воззрения Сократа на проблемы лояльности нашли отражение в его жизни и беседах, увековеченных Платоном, его современник Демокрит изложил свои воззрения, относящиеся к проблемам лояльности, в собственных произведениях, в которых высоко оценил значение социальных ролей и принадлежности в жизни человека. Аксиома и основа этики Демокрита – мысль, что «свободный грек – не изолированная от общества единица, а гражданин города-государства (полиса)» [4. С. 170]. Демокрит превозносил общественные (государственные) интересы над индивидуальными, полагая, что они выступают гарантом обеспечения последних. Вера Демокрита в общественное благо во многом базировалось на его вере в универсальность человеческих благ, главным из которых Демокрит считал хорошее расположение духа.

Демокрит указывал на необходимость норм политического поведения в обществе, придавал большое значение защите законности; кроме того, в области общественного поведения человека он призывал руководиться мерой, призывая к соответствию поведения силам и способностям, которые отпущены человеку самой его природой, тем самым вводя в систему регулирования общественного поведения и индивидуально-нравственный источник. В этике Демокрита силы, движущие нравственным поведением человека, сближаются с силами ума, интеллектуализируются. Он считал, что для формирования надлежащей гражданской позиции и поведения, т.е. для формирования гражданской лояльности, необходимы обучение и воспитание [Там же].

Почву для дискуссий об объекте, психологических предпосылках, содержании и роли лояльности для человека во многом создали труды Аристотеля, прежде всего «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Политика». Одной из ключевых идей Аристотеля, повлиявших на представления о природе лояльности, является идея о том, что общественный интерес – это продолжение частного интереса, а основа социального объединения – улучшение возможностей для реализации частных интересов. Аристотель указывал на потенциальную возможность общности целей людей, но вместе с тем обозначал возможность смещения мотива на цель, полагая, что люди могут руководствоваться в поведении не непосредственно глав-

ной, а различными тактическими целями, которые, по их мнению, приведут к достижению главной – хорошей жизни.

Аристотель выделил два вида мотивов социального группирования и принадлежности и соответствующие им типы общения и социальных групп, каждая из которых создана для достижения какого-либо блага: 1) группы для общения «экономического» характера и 2) группы, созданные для формирования благоприятного для жизни окружения, создающие условия для «благой жизни», участие в которых представляет самооценку. Аристотель указывал на переплетение этих форм объединений и членства в них: «Государство – только одна, высшая форма общения между людьми. В пределах государства существует целая система других социальных отношений со своими особыми целями и особыми путями развития. Каждый частный вид общения возникает в целях какого-либо блага» [4. С. 377].

Одной из верных тактических целей, ведущих к благой жизни, Аристотель считал достижение добродетели или доблести. «Человеческая добродетель есть умение, прежде всего умение верно ориентироваться, выбрать надлежащий поступок, определить местонахождение добра» [Там же. С. 363]. Средством достижения добродетели Аристотель считает ориентацию на «середину» как некоторую оптимальность деятельности: «...добродетель также есть известного рода “середина”: ошибаться можно различно, но правильно поступать – только одним путем; промахнуться легко, но трудно попасть в цель. Именно поэтому “середина” – принадлежность добродетели. Но если – по сущности и по понятию – добродетель должна называться “серединой”, то по ее совершенству и значению следует называть ее крайностью» [Там же. С. 365]. Это положение Аристотеля дает основы одной из современных позиций в разрешении спора об оптимальном выборе поведения в ситуации ролевого конфликта, иначе говоря, конфликта лояльностей.

Рассматривая психологические условия добродетели, Аристотель фактически, описывает психологические факторы, встречающиеся в современных исследованиях лояльности – когнитивный, эмоциональный и мотивационно-волевой: «Условия добродетельных действий следующие: лицо, поступающее добродетельным образом, должно: 1) иметь сознание о своем действии; 2) поступать с таким намерением, чтобы действия были не средством, а составляли самоцель; 3) твердо и неизменно придерживаться определенных принципов... Чтобы все условия эти возникли, необходимо частое повторение справедливых действий. Одной теории для этого недостаточно: кто думает, будто может стать нравственным, только философствуя, так же не станет нравственным, как не станет здоровым больной, который внимательно выслушивает врачей, но ни в чем не следует их предписаниям» [Там же].

Аристотель расходится с Демокритом в оценке возможности формирования произвольного стремления к универсальному человеческому благу, полагая, что стремление к истинной цели не подчиняется личному вы-

бору, человек должен родиться с этим стремлением, которое нельзя ни получить от другого, ни научиться, но можно лишь иметь от природы [4]. Этим самым Аристотель, как бы ставит под сомнение собственный тезис об универсальности этого блага.

Возможно, именно поэтому Аристотель дает второй ориентир социального объединения, кроме добродетели: «Деятельность, сообразная с важнейшей добродетелью и присущая лучшей части души, есть блаженство. В каждом случае деятельность бывает прекраснейшей, когда она исходит из того, что находится в лучшем состоянии, и когда она направлена на значительнейший предмет. Такая деятельность самая совершенная и приятная, она доставляет наслаждение как всем чувствам, так и мышлению и созерцанию: будучи самой приятной, она вместе с тем и самая совершенная, ведь таковой является та, которая, будучи в нормальном состоянии, направлена на лучший предмет» [Там же. С. 372]. Аристотель считал, что «...не следует внимать тем, кто увещевает нас заботиться лишь о близких людях, так как мы сами люди, и лишь о бренных вещах, ибо мы сами смертны. Напротив, необходимо как можно больше стремиться к бессмертию, делать все возможное, чтобы жить сообразно с тем, что в нас всего сильнее и значительнее. Ибо хотя оно по объему и невелико, однако по значению и силе превышает все остальное. Можно даже сказать, что каждый человек, в сущности, есть только это, так как именно оно в нем лучшее и властвующее» [Там же. С. 373]. Данное положение Аристотеля более универсально и ориентирует человека на лояльность тем сообществам, где будут наиболее востребованы его личные черты, где он сможет реализоваться, реализовать не только свои ценности, интересы, взгляды, убеждения, но и способности.

Аристотель высказывал идеи относительно оптимального устройства социальных групп для достижения общего блага: «Вожделения людей по природе беспредельны, и в удовлетворении этих вожделений проходит жизнь большинства людей. Поэтому существует принцип более важный, чем уравнивание собственности: следует наладить дело так, чтобы люди, интеллектуальные по своей природе, не желали иметь больше, а люди, мало развитые, не имели и возможности желать этого...» [Там же. С. 387].

Известный немецкий филолог и историк античной культуры Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, автор исследования «Аристотель и Афины», отмечает: «Совершенство гражданина полиса обуславливается качеством общества, полиса, к которому он принадлежит, следовательно, кто желает создать совершенных людей, должен создать совершенных граждан, а кто хочет создать совершенных граждан, должен создать совершенное государство» [Там же. С. 379]. В приведенной выше античной модели формирования личности гражданина полиса предполагалось некое опосредующее звено между социальной группой (полисом) и личностью – социальная роль гражданина, овладение которой позволяло человеку усвоить позитивные установки и нормы, бытующие в социуме, сформировать ключевые отношения со значимыми объектами среды. Механизмом и результатом

этого усвоения и выступает лояльность. Эта мысль подчеркивает связь социального и индивидуального значения лояльности как механизма не только социализации и адаптации, но и личного развития.

Выработанные Аристотелем идеи об «уравняющей» и «распределяющей» справедливости нашли отклик в современных теориях социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау и др.), представляющих одну из влиятельных парадигм, объясняющих механизмы лояльности в группах.

Аристотель помимо социального обмена рассматривал и другие психологические мотивы лояльности как социального явления. Например, рассматривая социальные связи на примере дружеских, Аристотель полагал следующее: «Любя друга, мы любим собственное благо, ибо хороший человек, став нашим другом, становится благом, поскольку мы его любим. Таким образом, каждый в дружбе любит собственное благо...» [4. С. 384].

В рассмотрение лояльности как состояния принятия ответственности Аристотель внес вклад, развивая этику разумного эгоизма. Он утверждал, что хороший человек «должен любить самого себя, и таким образом он и сам останется в выгоде, осуществляя прекрасное, и другим принесет пользу» [Там же. С. 385]. Он не рассматривал самоотвержение как признак нравственности. Вместе с тем, противопоставляя эгоизм хороших и плохих людей, он полагал, что: «“Себялюбие” нравственного человека не исключает ни отказа от благ, ни самопожертвования ради других и ради отечества. Нравственный человек будучи эгоистом в указанном смысле отбросит и деньги, и почет, и вообще все блага, из-за которых борются люди, чтобы сохранить себе прекрасное. Он предпочтет непродолжительное, но сильное ощущение долгой, но пустой жизни и скорее захочет жить прекрасно один год, чем многие годы бесцельно; он предпочтет одно прекрасное действие многим незначительным... Так происходит с людьми, жертвующими своей жизнью. Они выбирают великое и прекрасное для себя» [Там же. С. 386]. Аристотель полагал, что разум, повелевая хорошими людьми, приводит к пользе для них и для других людей. Приведенные положения Аристотеля закладывают фундамент современных положений о том, что забота о себе как элементе социальной системы при определенных условиях является компонентом лояльности.

Античные философы рассматривали проблемы не только сходства, но и различий интересов в социальных группах. Например, один из младших софистов (4 в. до н.э.) Фразимах отмечал относительность социально-этических норм, неравнозначность групповых норм для лиц, имеющих в группе различный статус, утверждая, что «каждая власть устанавливает законы, полезные для нее самой» [Там же. С. 101].

Таким образом, античные философы рассматривали проблемы лояльности на уровне преимущественно социетальных групп (государства, полиса). В этот период были подняты практически все ключевые проблемы лояльности, актуальные в настоящий момент: проблемы социальных групп и членства в них, добровольности в лояльности, конфликта лояльно-

стей, соотношения общественных и индивидуальных интересов членов групп, мотивов и психологических механизмов лояльности.

К проблеме политической и гражданской лояльности обращались мыслители и на рубеже Средневековья. Например, Августин Аврелий (Августин Блаженный) в своем произведении «De Civitate Dei» (О граде Божьем), датированном 413–427 гг., затрагивал идеалы лояльности в социальных группах: «В граде же Божиим по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные, повинуваясь» [6].

В Средних веках, в целом характеризующихся упадком научной мысли, наиболее ярким автором, затрагивавшим проблемы лояльности в государстве, в том числе и о необходимости для правителей руководствоваться общественным благом и религиозными ценностями, был Фома Аквинский, который видел добродетель в следовании предопределенным социумом ролям. Несмотря на слабую рефлексивность проблем лояльности в Средневековье, термин «лояльность» вошел в широкий оборот именно в этот период. Анализируя причины этого, Дж. Коннор пишет: «Определенное слово, которое мы теперь используем, возникло в отдельное время, чтобы обозначить определенные отношения. Лояльность развивалась от потребности отличить приверженных от не приверженных. Она произошла от феодальных властных отношений между дворянами, определяя, кто кому обязан, и определяя связи в запутанных структурах власти» [1. С. 12]; таким образом, Дж. Коннор увязывает возникновение термина «лояльность» с развитием феодальных отношений и подразумевает под ним в феодальный период преимущественно индивидуальные обязательства, следующие из ролевых норм того времени.

Именно позднему Средневековью принадлежат произведения, в которых впервые начало фигурировать слово «лояльность» в четко узнаваемой, близкой к современной транскрипции. Впервые термин «лояльность» встречается в общедоступных печатных источниках в начале XIV в. Хотя слово «лояльность» использовалось в обиходе уже в XIII в., о чем свидетельствует название («Вера, любовь и лояльность») одного из произведений французского трубадура Жильбера Берневилля («Gillebert De Berneville»), жившего в XIII в. [7. С. 117].

Общественную проблему лояльности затрагивает сатирическое произведение Рауля ле Пети (Raoul le Petit) «Роман о Фаваине» (в другой транскрипции – о Фавеле), предостерегающее читателей от вероломства придворных [8].

В конце Средних веков термин «лояльность» применяется, как правило, к лицам, обремененным особым общественным статусом, – дворянам. Лояльность (Loyauté) упоминается на третьем месте после благородства и веры в числе двенадцати дворянских доблестей в изданном в XV в. наставлении для дворян под названием «Тайна тайн», автором которого является французский поэт и государственный деятель Ален Шартье (Alain Chartier) [9]. В этом произведении лояльность особо выделяется как объект повествования, однако рассмотрение идет именно в системе добродетелей

(благородство – внутреннее принятие своего статуса, вера – высший мировоззренческий идеал, высшее общественное благо, лояльность – поведение соответствующие статусу в связи с ориентацией на идеал).

На миниатюре Жильбера де Метса «Правосудие в окружении милосердия и информации» (*Justice entourée de Miséricorde et Information*) лояльность фигурирует наряду с другими добродетелями окружающими правосудие [10].

Общественная рефлексия содержания лояльности усилилась с началом эпохи Нового времени. Лояльность стала популярным объектом общественной мысли, что связано, на наш взгляд, с активным изменением социальной формации и статусно-ролевых структур общества, а также доминирующих общественных ценностей.

В общественных документах XVI–XVII вв. слово «лояльность» употребляется наряду с другими терминами, обозначающими отношение, такими как «любовь», «верность» и т.п. (см., например, [11]). В этом трактате, содержащем две части (увещание к истинной любви, лояльности и верности ее величеству (королева Елизавета) и трактат против измен, мятежей, и подобной нелояльности), измена и мятеж, понимаемые как нарушение социальных обязательств, рассматриваются как антонимы лояльности, при этом индивидуальные чувства к личности монарха (*loue, fidelitie*) дифференцируются с социальным нормативным отношением к монарху как к высшему символу государственного порядка (*loyaltie*).

В английской публицистике XVII в. монарх остается практически единственным объектом выражения лояльности. К прочим же объектам применялись другие характеристики отношений, имеющие более личную окраску, чем социальная или поведенческая (см., например, [12]). В ряде документов лояльность связывалась с исполнением социального долга, прежде всего социальных действий, касающихся фигуры монарха [13, 14].

Огромное количество документов того времени интерпретируются как клятвы лояльности (*Loyalty oaths*) [15].

Многие авторы, такие как Фома Филпот (Thomas Philpot), Джон Хайэм (John Higham) и Эразмус Уоррен (Erasmus Warren), упоминают о лояльности как религиозной обязанности, возможно, в связи с представлением о божественном происхождении королевской власти [16–18]. Эти и другие подобные работы дают основание усомниться в том, о какой лояльности идет речь: о религиозной, сословной или гражданской. Очевидно, что гражданская и религиозная социальные общности Англии были практически тождественны, особенно после провозглашения Генриха VII главой англиканской церкви. В связи с уникальностью данной социальной ситуации возникла благоприятная почва для осмысления проблем множественной лояльности, проблем идентификации и интеграции нормопорядков социальных групп, в которые включен человек.

В любом случае доминирующей нормой социальной активности лояльных граждан считалось подчинение по отношению к королю (см., например, [19]).

В ряде источников (например, [20]) под лояльностью, видимо, понимается нечто среднее между личным отношением и сугубо формальным долгом. В данном случае «Fidelity» скорее понимается как человеческая верность, симпатия к личности короля, в отличие от повиновения (obedience) как отношения, связанного с его статусом, и лояльности как чего-то среднего между этими понятиями (например, свободного, добровольного признания, следования и подчинения).

Термин «лояльность» использовался наряду с термином «dutiful affection», который в контексте вернее всего переводится как «почтение» [21].

Наиболее известным оппонентом описанных выше взглядов на смысл и содержание лояльности в анализируемом периоде выступал английский журналист, поддерживавший республиканские идеи и идеи индипендентов (автономии местных религиозных общин) Марчмонт Недхэм (Marchamont Nedham), который в своей работе «Лояльность говорит правду, или конференция о настоящем состоянии Его Величества, и работе этого благословенного парламента» [22] заложил основы обсуждения одной из теоретических проблем лояльности, обозначаемой в современной литературе как «whistleblowing», или вскрытие и обнародование недостатков в деятельности социальных групп, угрожающих их благополучию, вопреки частным интересам конкретных лиц и групп, входящих в данную систему, или даже, как в указанном произведении, выступающих его символами.

Актуальной в анализируемый период представлялась хорошо известная в современности проблема множественной лояльности и интеграции лояльностей, которой касался в своей работе «Лояльные неконформисты, или ориентировка, в чем они должны клясться, а в чем нет» Роберт Вайлд (Robert Wild) [23].

Таким образом, с началом Нового времени термин «лояльность» не только не утратил своей актуальности, его содержание трансформировалось вслед за изменением общественных отношений. Лояльность также определяется Дж. Коннором [1] как ключевой компонент социальных отношений, известных как «Патронаж эпохи Возрождения», указывающий на продолжение социальной структуры, представленной в феодальных системах. «Системы покровительства функционировали неофициально в пределах политической системы как сети, основанные на связях родства, семейной преданности и землячества. Отношения между патроном и клиентом были основаны на распространении привилегий и положения в обмен на лояльность и службу» [1. С. 12]. Эта невидимая связь соединяла людей и служила, чтобы распространить власть и привилегии. Эта форма политических отношений стала менее важной в более и более бюрократизируемых национальных государствах, получивших власть и способность распространять богатство и поддержку более «справедливым» образом. Как отмечает Мортон Гродзинс (Morton Grodzins), массовая лояльность стала возрастать в результате революций в обществе [24]. Персоналии и узкие социальные группы перестали быть единственным объектом лояльности в политической жизни. Практика использования термина «лояль-

ность» в XVIII в. распространяется и на другие объекты. Например, после Французской революции возникает понятие национальной лояльности. Также встречается словосочетание «лояльность и любовь к законности» [25. С. 4]. Происходит смена символов нормативного порядка общества, и лояльность новому нормопорядку выражается через лояльность к новым его символам.

По мнению Бенедикта Андерсона (Benedict Anderson), с возрастанием политической важности централизованных национальных государств и национальных правительств в Европе на протяжении XVIII в. был сформирован новый объект лояльности [26]. С централизованными формами управления возникли национализм и патриотизм. Эти изменения в управлении определили изменения в контексте лояльности и создание ее нового слоя. Теперь национальное государство и суверенное правительство могли быть объектом лояльности для человека. Иерархические цепи управления и распределения ресурсов стали распадаться. Власть лордов была разрушена сильной централизацией монархий и возникшими правительствами. Это изменило феодальное понятие о лояльности, сеньоры перестали быть объектами лояльности. Массовые лояльности стали возникать в результате революций, особенно индустриальной революции, разделения труда и усиливавшихся коммуникаций [1. С. 12]. Национальные государства создали новый объект лояльности. Лояльность стране стала идеалом общества. Национальные государства помогли сформировать идентичность, контролировать возникающие структуры, воспитывать и поддерживать людей в обществе.

«Вся социальная структура стремится поддерживать отношения, связывающие удовлетворенность людей с национальным благосостоянием» [24. С. 20].

Возникновение новых нормопорядков и их символов активно идет в Северной Америке в период революции и гражданской войны в XIX в., порождая трансформацию лояльности населения, отражаемую в документах того времени (см. например, [27, 28]).

Смена объекта лояльности, ее плюрализм уже в XIX в. находит отражение в общественной мысли. Так, неизвестный автор, использовавший псевдоним Марсел (Marcellus) – латинское имя, которое носили некоторые известные религиозные деятели, в своей статье «О лояльности» («On Loyalty») отражает смену объекта политической лояльности в обществе: «Немногие добродетели в наши времена понимаются более ошибочно, более испорчены и извращены, чем великая добродетель лояльности (virtue of loyalty). Ей отводится место не среди основных добродетелей, а среди второстепенных; и все же из-за ее выдающейся важности в гражданском обществе она заслуживает особого внимания и отношения. В наше время лояльность может быть настоящей или ложной. Настоящая лояльность может быть определена в нескольких словах: «Страстная преданность (attachment) конституции нашей страны». Это великая и благородная добродетель! Это связка, цемент гражданского общества! Ни одна нация, лишенная данной добродетели, не может существовать как нация и поддержи-

вать свою независимость длительное время. Возникнут разногласие и замешательство, партийный дух будет преобладать; и злоба и враждебность спровоцируют борьбу и гражданские волнения в масштабах нации с насилием и внутренними конвульсиями. В этом разделенном, растерянном состоянии первый же смелый захватчик посчитает их легкой добычей и одержит победу безо всякого сопротивления. Ложная лояльность по духу прямо противоположна истинной. Она по природе не либеральна. Она пропагандируется врагами страны. Иногда они полагают, что лояльность – это приверженность личности короля, иногда – приверженность его советникам, министерству, учреждению...» [29. С. 364]. Символ старого общества – фигура монарха низвергается, и на ее место как символ нового общественного нормопорядка возводится конституция. Это, по мнению Марселла, символ людей, считающих себя, прежде всего, не вассалами, но гражданами.

С дифференциацией сфер жизни на политическую, экономическую, религиозную и т.д. развивается общественная рефлексия лояльности в группах, сформированных по этим различным основаниям, изучаются вопросы не только содержания отдельных лояльностей, но также вопросы их пересечения и взаимодействия.

Например, Дж.П. Латроп (George Parsons Lathrop) [30], анализируя пересечения религиозной и гражданской лояльности, полагает, что католик не должен свергать государство или препятствовать ему, но должен по-граждански способствовать внедрению в его законы, устройство и деятельность католических моральных ценностей.

Надо отметить, что на фоне трансформации социальных структур и лояльностей, а также обеспечивающих их общественной и философской мысли в период Нового времени встречались авторы, которые противопоставили свои позиции дискуссиям о предпочтительных лояльностях, совершенно меняя постановку вопроса. Иммануил Кант в «Критике практического разума» обесценивал меняющиеся во времени нормы различных социальных групп, отмечая историческое многообразие норм поведения, часто не совместимых друг с другом. Таким образом, в своем учении Кант обесценивал лояльность групповым нормам, абсолютизируя «универсальные», общечеловеческие нормы морали [31]. Человек, по Канту, должен стремиться к благу человечества и воплощать в себе человеческое.

Таким образом, усложнение социальной реальности, и связанные с этим конфликты лояльностей в очередной раз сформировали заказ на исследование феномена лояльности. На этот раз уровень развития научной мысли позволил рассматривать лояльность не просто как общественно значимый феномен, но и как научную проблему.

В начале двадцатого века интерес к проблемам лояльности стимулировал появление публикаций, посвященных этим проблемам в различных группах, конфликтам лояльностей и их урегулированию, а также появлению фундаментальных работ, рассматривающих феномены лояльности.

Среди публикаций того периода, заслуживающих особого внимания, можно отметить работу Лютера Хасли Гулика (Luther Halsey Gulick) [32],

который, рассматривая проблемы гражданской лояльности, вышел на проблемы формирования лояльности своей социальной общности в детском возрасте в процессе деятельности, фактически изложил идею «упражнения» в лояльности как с позиции ее формирования, так и с точки зрения ее проявления. Эта идея была заложена в достаточно конкретном приведенном Гуликом примере формирования лояльности своей социальной общности в школьном возрасте путем формирования лояльности к своей школе в процессе поддержки своей команды на межшкольных соревнованиях. Не претендуя на развитие теории лояльности, Гулик сделал значимый шаг в понимании ее механизмов.

Донаучный этап развития знаний о лояльности завершил американский философ Джозайя Ройс (Josiah Royce), впервые специально поставивший научную проблему лояльности и посвятивший ей первое специальное фундаментальное исследование «Философия лояльности» («Philosophy of loyalty»), опубликованное в 1908 году и до сих пор являющееся предметом споров для современных исследователей проблем лояльности. Работа содержала целостную концепцию лояльности, дающую в том числе ответы и на вопросы, поставленные Кантом, включающую как определение лояльности и ее значения для личности, так и психологические и социальные механизмы ее формирования [33]. Работа Дж. Ройса закрепила термин «лояльность» в научном обороте и дала мощный толчок развитию фундаментальных и прикладных исследований в этом направлении. В целом «Философию лояльности» можно считать одновременно постановкой научной проблемы и отправной точкой научных исследований проблем лояльности.

Таким образом, основным фактором возникновения попыток философского осмысления проблем лояльности, а затем их постановки и дальнейшего научного изучения послужило усложнение социальной жизни, расширение возможностей обладания различными конкурирующими идентичностями, выбора идентичности. Фактически каждый шаг в развитии познания феномена лояльности (Античность – феноменологическое описание явления и постановка основных психологических проблем лояльности; Средние века – вхождение в оборот термина «лояльность», Новое время – широкая общественная рефлексия проблем лояльности, Новейшая история – постановка научной проблемы лояльности) был детерминирован социальным заказом в виде усложнения системы социальных отношений и, соответственно, увеличения смежных (альтернативных) и конкурирующих идентичностей.

В итоге историко-психологический анализ общественно-философской рефлексии проблем лояльности показал, что проблема лояльности по своей психологической сущности – это проблема социальной идентичности и ее влияния на активность личности, лояльность – это психологический механизм реализации социальной идентичности, следовательно, основная задача психологических исследований лояльности – раскрытие этого механизма.

Литература

1. Connor J. The Sociology of Loyalty New York : Springer Science Business Media, LLC, 2007. 161 p.
2. Султыгов А.-Х. А. К вопросу об идентичности в античную эпоху // Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 81–99.
3. Избранные диалоги: Пер. с древнегреч. / Платон ; сост., вступ. ст. и коммент. В. Асмуса. М. : Художественная литература, 1965. 440 с.
4. Асмус В.Ф. Античная философия : учеб. пособие. 2-е. изд., доп. М. : Высш. школа, 1976. 543 с.
5. Nitobe I. Bushido, the Soul of Japan. 13th Edition. 1908. 49 p. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12096> (accessed: 10 December 2015).
6. Августин Блаженный. О граде Божьем. Книга XI. пер. с лат. // Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. 2-е изд. Киев, Типография И.И. Чолокова, 1905–1910. Ч. 3–5. URL: http://www.srines.com/book_1038_chapter_34_Glava_XXVIII.html (дата обращения: 10.10.2015).
7. Foy et amour et loyautés // «Chansons notées et jeux partis». Location : Web site Bibliothèque nationale de France (BNF). URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8454668b/f241.image> (accessed: 10 December 2015).
8. le Roman de Fauvain. Raoul le Petit, Valenciennes, 1326. Location : Web site Bibliothèque nationale de France (BNF), Manuscrits, français 571, f. 148 vo/ URL: http://expositions.bnf.fr/aimer/grand/aim_063.htm (accessed: 11 December 2015).
9. Le Secret des secrets. Alain Chartier, Le Bréviaire des nobles. Location: Web site Bibliothèque nationale de France (BNF). URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84477742/> (accessed: 11 December 2015).
10. De Pizan C. L'Epistre d'Othea les Maîtres de Guillebert de Mets, enlumineurs, Probablement Grammont (écriture) et Gand (illustration), 1434 ou après. [Online] Location: Web site Bibliothèque royale de Belgique. Bruxelles (KBR, ms. IV-1114, f. 123). URL: http://expositions.bnf.fr/flamands/grand/fla_094.htm (accessed: 11 December 2015).
11. Renniger M. A treatise containing two parts. 1 An exhortation to true loue, loyaltie, and fidelitie to her Maiestie. 2 A treatise against treasons, rebellions, and such disloyalties. London, 1587. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A10614.0001.001> (accessed: 11 December 2015).
12. The City of Londons resolution, concerning their loyalty to the King, and their love and affection to the Parliament, in laying down their lives, liberties, and goods for the maintenance of the true Protestant religion... London, 1642. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A79825.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
13. A persvassion to loyalty, or, The subject's dutie vvherein is proved that resisting or deposing of kings ... / collected by David Owen, London, 1642. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A53652.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
14. Grosse. R. Royalty and loyalty or A short survey of the power of kings over their subjects: and the duty of subjects to their kings. Abstracted out of ancient and later writers, for the better composing of these present distempers: and humbly presented to ye consideration of his Ma.tie. and both Howses of Parliament, for the more speedy effecting of a pacification London, 1647. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A85738.0001.001> (accessed: 12 December 2015).
15. The oath of every free-man of the city of London. City of London (England). London: James Flesher, printer to this honourable city, 1653?. Location: Web site Early English

- book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53687.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
16. Philpot T. The creples complaint, or, A sermon preached Sept. 29, 1661 at Akly, near Buckingham, upon some sad occasion in which among many motives unto loyalty and other religious duties is proved, by lamentable experience, that good things are better known when they are not, than when they are enjoyed. London, 1662. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A54805.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
  17. Higham J. A looking-glass for loyalty, or, The subjects duty to his sovereign being the substance of several sermons preached by a person who always looked upon his allegiance as incorporated into his religion. London, 1675. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A43763.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
  18. Warren E. Religious loyalty, or, Old allegiance to the new king a sermon, preached on the eighth of February 1684. London, 1685. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67688.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
  19. Warmstry T. The resurrection of loyalty and obedience, out of the grave of rebellion by the sacred force of the oathes of supremacy and allegiance, which have lain as dead, and out of minde, for diverse years, and here raised up out of the dust, and discovered in their great inviolable force and power unto the people : for the humbling of those that are guilty of the breach of them, the quelling of rebellious principles, and excitement unto the duties of obedience and subjection, according to the tenor of the said oathes. London, 1660. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67636.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
  20. The valiant seamans congratulation to his sacred Majesty King Charls the Second. With their wonderfull heroicall achievements, and their fidelity, loyalty, and obedience. ... London: between 1660 and 1685. Location : Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=B06433.0001.001> (accessed: 14 December 2015).
  21. A poem on the famous ship called the Loyal London Begun at the charge of the Right Honourable the Lord Mayor, aldermen, and commoners of the city of London, in the year 1665. and lanced June 10. 1666. which they presented to His Majesty as a testimony of their loyalty and dutiful affection; and built at Deptford by Captain Taylor. By William Smith. Location: Web site Early English book online. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A60606.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
  22. Nedham M. Loyalty speaks truth: or, a conference of the grand mercvries, pragmaticus, melancholicus, and elenticus, concerning the present condition of his Majesty, and the proceedings of this blessed Parliament. London, 1648. Location: Web site Early English book online. URL: <http://name.umdl.umich.edu/A89884.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
  23. Wild R. The loyal nonconformist; or, An account what he dare swear, and what not. London, 1666. Location: Web site Early English book online. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A96485.0001.001> (accessed: 15 December 2015).
  24. Grodzins M. The Loyal and the Disloyal: Social Boundaries of Patriotism and Treason, Chicago. The University of Chicago Press, 1956. 319 p.
  25. Appel à la loyauté nationale, ou Un mot sur un seul article du rapport de Lanjuinais, relatif à la loi du 17 nivôse. de l'impr. de Roblot] Paris 1795 4 p. Location : Web site Bibliothèque nationale de France. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k465358> (accessed: 10 December 2015).
  26. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [2nd, revised edition]. London ; New York : Verso, 1991. 224 p.

27. Garrison W.L. The loyalty and devotion of colored Americans in the revolution and war of 1812. Boston, R. F. Wallcut, 1861. 24 p. Location: Web site Hathi Trust Digital Library. URL: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015002355660>. (accessed: 10 December 2015)
28. Maryland. General Assembly. Resolutions [expressing loyalty to the Union. Annapolis. 1861]. Location : Web site The Library of Congress: American Memory. Available at: <http://hdl.loc.gov/loc.rbpe.03104100> (accessed: 17 December 2015).
29. Marcellus. On Loyalty // The Belfast Monthly Magazine. Vol. 9, № 52 (Nov. 30. 1812). P. 364–365.
30. Lathrop G.P. Catholic Loyalty. A Reply to the President of the A. P. A. and to Bishop Doane // The North American Review. Vol. 159, № 453 (Aug., 1894), P. 218–224. URL: <http://www.jstor.org/stable/25103382> (accessed: 10 December 2015).
31. Нарский И.С. Иммануил Кант. М. : Мысль, 1976. 208 с.
32. Gulick L.H. Team Games and Civic Loyalty // The School Review. Vol. 14, № 9 (Nov. 1906), P. 676–678. URL: <http://www.jstor.org/stable/1075269> (accessed: 10 December 2015).
33. Royce J. The Philosophy of Loyalty. Norwood : Norwood Press, J.S. Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.

Поступила в редакцию 04.02.2016 г.; принята 12.04.2016 г.

GENESIS AND PSYCHOLOGICAL CONTENT OF THE SCIENTIFIC LOYALTY PROBLEM

Siberian journal of psychology, 2016, 60, 22–39. DOI: 10.17223/17267080/60/2

Gornostaev Stanislav V. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: stanislavrz@yandex.ru

Keywords: loyalty; social identification; regulatory order; implementation of identity.

The first researches of the loyalty phenomenon were made in the philosophical works of antiquity (Plato, Aristotle, Democritus, Thrasymachus), created during the period when state and civil identity in polises (states) was forming actively. These works raise issues of loyalty to society. “Crito” written by Plato can be considered the first work specifically devoted to the issue of loyalty. In “Crito” Plato does not use the term “loyalty”, but the phenomenon itself is described with psychological authenticity. Ancient philosophers raised all the key issues of loyalty, topical at the moment, they wrote about the problems of affiliation to social groups self-identification with them, regulatory orders of the groups, conflict of identifications and roles, parity of public and individual interests of group members, understanding and acceptance of due, motives, psychological mechanisms of loyalty, etc.

The term “loyalty” began to be used in the period of feudal relations. According to available documents, the term was already used at least in the 13th century. In the Middle Ages loyalty was considered as “virtue” of conformity to the social status. The term usually meant the execution by nobles of typical “legitimate” social norms of behavior, concerning their lords, vassals and others, and, occasionally, attitude and behavior, expected from another person with a certain social status.

With the beginning of the Modern Age people got an increasing number of socially important characteristics and roles. Loyalty turns from a narrow estate to a mass characteristic. Loyalty was understood as a hybrid between a formal duty and a personal attitude of those who hold a certain status. Loyalty becomes a matter of public reflection and discussions. The discussions touched not only such issues as conformity to the status, but also a content of the norms of particular social groups and conflicts in these norms. Mass-type loyalties (national, religious, class loyalty) appeared.

At the next stage of transformation of social attitudes, in the beginning of the 20th century, the level of science development enabled to put a scientific problem of loyalty in its modern form. The problem of loyalty in its present form was put by Josiah Royce in his work "The philosophy of loyalty" in 1908.

Thus, each step in progress of knowledge of the phenomenon of loyalty was determined by social demand as the complication of social relations system and expansion of social identity choices for a person, the appearance of competitive identities, roles and ways of behavior.

As a result, historical and psychological analysis of social and philosophical reflection of the loyalty problem showed that the problem of loyalty in its psychological essence is a problem of social identity and its influence on person's activity, loyalty is a psychological mechanism of social identity implementation, and, accordingly, the main goal of psychological research of loyalty is to disclose this mechanism.

References

1. Connor, J. (2007) *The Sociology of Loyalty*. New York: Springer Science Business Media, LLC.
2. Sultygov, A.-H. A. (2015) To the question about identity in Antiquity. *Vestnik Rossiyskoy natsii – Bulletin of the Russian Nation*. 3. pp. 81–99. (In Russian).
3. Plato. (1965) *Izbrannye dialogi* [The Selected Dialogues]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Asmus, V.F. (1976) *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Nitobe, I. (1908) *Bushido, the Soul of Japan*. 13th Edition. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/ebooks/12096>. (Accessed: 10th December 2015).
6. Aurelius Augustinus. (n.d.) *O grade Bozh'em* [About the City of God]. [Online]. Available from: http://www.srineset.com/book_1038_chapter_34_Glava_XXVIII.html. (Accessed: 10th October 2015).
7. Anon. (1301-1400) Foy et amour et loyautés [Faith and love and loyalties]. In: *Chansons notées et jeux partis*. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8454668b/f241.image>. (Accessed: 10th December 2015).
8. Le Petit, R. (1326) *Le Roman de Fauvain*. Valenciennes [Roman's Fauvain. Little Raoul, Valenciennes, 1326]. [Online] Available from: http://expositions.bnf.fr/aimer/grand/aim_063.htm. (Accessed: 11th December 2015).
9. Chartier, A. (n.d.) *Le Secret des secrets*. Le Bréviaire des nobles [The Secret of Secrets. The Breviary of the nobles]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84477742/>. (Accessed: 11th December 2015).
10. De Pizan, C. (1434) *L'Epistre d'Othea les Maîtres de Guillebert de Mets, enlumineurs, Probablement Grammont (écriture) et Gand* [Epistre Othea of the Guillebert Masters Mets, illuminators, probably Grammont (writing) and Ghent (illustration)]. [Online] Available from: http://expositions.bnf.fr/flamands/grand/fla_094.htm. (Accessed: 11th December 2015).
11. Renniger, M. (1587) *A treatise containing two parts. 1 An exhortation to true love, loyalty, and fidelity to her Majesty. 2 A treatise against treasons, rebellions, and such disloyalties*. London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-index?c=eebo2;idno=A10614.0001.001>. (Accessed: 11th December 2015).
12. UK. (1642) *The City of London's resolution, concerning their loyalty to the King, and their love and affection to the Parliament, in laying down their lives, liberties, and goods for the maintenance of the true Protestant religion....* [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-index?c=eebo2;idno=A79825.0001.001>. (Accessed: 12th December 2015).
13. Owen, D. (1642) *A pervasion to loyalty, or, The subject's duty vvherein is proved that resisting or deposing of kings*. London. [Online] Available from: <http://quod.lib>.

- umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A53652.0001.001. (Accessed: 12th December 2015).
14. Grosse, R. (1647) *Royalty and loyalty or A short survey of the power of kings over their subjects: and the duty of subjects to their kings. Abstracted out of ancient and later writers, for the better composeing of these present distempers: and humbly presented to ye consideration of his Ma.tie. and both Howses of Parliament, for the more speedy effecting of a pacification.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A85738.0001.001>. (Accessed: 12th December 2015).
  15. Anon. (1653?) *The oath of every free-man of the city of London. City of London (England). London: James Flesher, printer to this honourable city.* [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A53687.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  16. Philpot, T. (1662) *The creples complaint, or, A sermon preached Sept. 29, 1661 at Akly, near Buckingham, upon some sad occasion in which among many motives unto loyalty and other religious duties is proved, by lamentable experience, that good things are better known when they are not, than when they are enjoyed.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A54805.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  17. Higham, J. (1675) *A looking-glass for loyalty, or, The subjects duty to his sovereign being the substance of several sermons preached by a person who always looked upon his allegiance as incorporated into his religion.* London. [Online] Available at: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A43763.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  18. Warren, E. (1685) *Religious loyalty, or, Old allegiance to the new king a sermon, preached on the eighth of February 1684.* London, 1685. [Online]. Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67688.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  19. Warmstry, T. (1660) *The resurrection of loyalty and obedience, out of the grave of rebellion by the sacred force of the oathes of supremacy and allegiance, which have lain as dead, and out of minde, for diverse years, and here raised up out of the dust, and discovered in their great inviolable force and power unto the people : for the humbling of those that are guilty of the breach of them, the quelling of rebellious principles, and excitement unto the duties of obedience and subjection, according to the tenor of the said oathes.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo2;idno=A67636.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  20. Anon. (between 1660 and 1685) *The valiant seamans congratulation to his sacred Majesty King Charls the Second. With their wonderfull heroicall achievements, and their fidelity, loyalty, and obedience.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=B06433.0001.001>. (Accessed: 14th December 2015).
  21. Smith, W. (n.d.) *A poem on the famous ship called the Loyal London Begun at the charge of the Right Honourable the Lord Mayor, aldermen, and commoners of the city of London, in the year 1665. and lanced June 10. 1666. which they presented to His Majesty as a testimony of their loyalty and dutiful affection; and built at Deptford by Captain Taylor.* [Online] Available at: <http://name.umdl.umich.edu/A60606.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).
  22. Nedham, M. (1648) *Loyalty speakes truth: or, a conference of the grand mercvries, pragmaticus, melancholicus, and elenticus, concerning the present condition of his Majesty, and the proceedings of this blessed Parliament.* London. [Online] Available from: <http://name.umdl.umich.edu/A89884.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).
  23. Wild, R. (1666) *The loyal nonconformist; or, An account what he dare swear, and what not.* London. [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A96485.0001.001>. (Accessed: 15th December 2015).

24. Grodzins, M. (1956) *The Loyal and the Disloyal: Social Boundaries of Patriotism and Treason*. Chicago: The University of Chicago Press.
25. Anon. (1795) *Appel à la loyauté nationale, ou Un mot sur un seul article du rapport de Lanjuinais, relatif à la loi du 17 nivôse. de l'impr. de Roblot*. Paris. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k465358>. (Accessed: 10th December 2015).
26. Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London, New York: Verso.
27. Garrison, W.L. (1861) *The loyalty and devotion of colored Americans in the revolution and war of 1812*. Boston, R.F. Wallcut. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015002355660>. (Accessed: 10th December 2015)
28. USA. (1861) *Maryland. General Assembly Resolutions* [expressing loyalty to the Union. Annapolis. 1861]. [Online] Available at: <http://hdl.loc.gov/loc.rbc/rbpe.03104100>. (Accessed: 17th December 2015).
29. Marcellus. (1812) On Loyalty. *The Belfast Monthly Magazine*. 9(52). pp. 364-365.
30. Lathrop, G.P. (1894) Catholic Loyalty. A Reply to the President of the A. P. A. and to Bishop Doane. *The North American Review*. 159(453). pp. 218-224. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/25103382>. (Accessed 10th December 2015).
31. Narskiy, I.S. (1976) *Immanuel Kant* [Immanuel Kant]. Moscow: Mysl'.
32. Gulick, L.H. (1906) Team Games and Civic Loyalty. *The School Review*. 14(9). pp. 676-678 [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/1075269>. (Accessed: 10th December 2015).
33. Royce, J. (1914) *The Philosophy of Loyalty*. Norwood: Norwood Press – J.S. Cushing Co – Berwick&Smith Co.

Received 04.02.2016;

Accepted 12.04.2016